

Т.Г. Шевченко

**Кобзарь. В переводе русских
писателей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-1
ББК 84-5
Ш37

Ш37 **Шевченко Т.Г.**
Кобзарь. В переводе русских писателей / Т.Г. Шевченко – М.: Книга по Требо-
ванию, 2014. – 370 с.

ISBN 978-5-458-14824-5

С биографическим очерком и портретом. Под редакцией И.А. Белоусова.«
Кобзарь» (в современной орфографии укр. Кобзар) — название сборника
поэтических произведений Тараса Шевченко.

ISBN 978-5-458-14824-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Тарасъ Григорьевичъ Шевченко.

(О Ч Е Р К Ъ).

25 февраля 1814 года въ селѣ Моравцахъ, Звенигородскаго уѣзда, Кіевской губерніи у крѣпостного крестьянина помѣщика Энгельгардта—Григорія Шевченко родился сынъ Тарасъ,—будущій знаменитый украинскій поэтъ. Тарасъ былъ третьимъ ребенкомъ у Григорія,—первымъ былъ сынъ Никита, а вторымъ—дочь Катерина. Вскорѣ послѣ рожденія Тараса отецъ переселился на жительство въ с. Кирилловку, того же уѣзда, гдѣ и протекли первые младенческіе годы будущаго поэта; на этомъ основаніи Т. Г. въ своей извѣстной автобіографіи, написанной по просьбѣ редактора журнала „Народное Чтеніе“ А. А. Оболенскаго,—Кирилловку называетъ своей родиной.

Какъ прошло дѣтство Т. Г.—объ этомъ мы находимъ описаніе въ одномъ изъ его сочиненій на великорусскомъ языкѣ. Вотъ какъ онъ вспоминаетъ о своемъ дѣтствѣ:

„Передо мною наша бѣдная, старая, бѣлая хата, съ потемнѣвшею соломенною крышей и чернымъ „дымаремъ“, а около хаты „на причилку“, яблоня съ краснобокими яблоками, а вокругъ яблони цвѣтнякъ, любимецъ моей незабвенной сестры, моей терпѣливой, моей нѣжной няньки. А у воротъ стоитъ старая, развѣсистая верба съ засохшею верхушкою, а за вербою, „клуна“ (хлѣбный сарай), а за „клуною“ по косогору пойдетъ уже садъ, а за садомъ—„леванда“ (сѣнокошь)—, а за „левандою“—долина, а въ долину тихій, едва журчащій ручеекъ, уставленный вербами и калиною, окутанный широколиственными, темнозелеными ло-

пухами. А въ этомъ ручейкѣ купается кубическій бѣлокурый мальчуганъ; выкупавшись вбѣгаетъ въ тѣнистый садъ, падаетъ подь первую грушею и засыпаетъ... Проснувшись онъ смотритъ на противоположную гору и думаетъ: а что жетамъ, за горою?... Тамъ должны быть желѣзные столбы, что поддерживаютъ небо!..“

И пошелъ этотъ бѣлокурый мальчуганъ (никто иной какъ авторъ разсказа, Т. Г.) къ желѣзнымъ столбамъ, долго шелъ, до самой ночи и пришелъ, самъ не зная куда; къ счастью попались ему чумаки и довели его до дому. „Когда я пришелъ домой, то старшая сестра (продолжаетъ разсказъ Шевченко)—подбѣжала ко мнѣ, схватила меня за руки, понесла черезъ дворъ и посадила въ кружокъ „вечерять“ (ужинать), сказавши: „сидай вечерять, прибуду“.—Повечерявши, сестра повела меня спать, уложила въ постель, перекрестила и поцѣловала“...

Эти воспоминанія относятся къ 5—6 лѣтнему возрасту поэта. Какъ видно здѣсь Т. Г. съ большой любовью вспоминаетъ о сестрѣ и ни слова не говоритъ о матери. Какъ объяснить это обстоятельство? По нашему очень просто: мать, „вѣковѣчная работница“, батрачка для своей семьи, не могла заниматься съ дѣтьми, которыхъ у ней послѣ Тараса было еще двое—Ирина и Осипъ. Дѣти были предоставлены сами себѣ: старшія сестры исполняли роль нянекъ для младшихъ братьевъ.

Въ 1823 г. умерла мать Шевченко; съ этого года въ жизни маленькаго Тараса произошла большая перемѣна: беззаботное дѣтство кончилось, началась жизнь, полная лишений, невзгодъ и несчастій, не покидавшихъ поэта до самыхъ послѣднихъ дней его жизни.

Отецъ Шевченко, у котораго на рукахъ осталось 5 человѣкъ дѣтей, никакъ не могъ вести хозяйство безъ женщины и вскорѣ послѣ смерти своей первой жены женился во второй разъ на вдовѣ съ дѣтьми. Пошли раздоры;—мачеха возненавидѣла Тараса за враждебное отношеніе его къ ея дѣтямъ, за скрытность и упрямство, но отецъ не переставалъ заботиться о сиротахъ, оставшихся безъ родной матери: не желая, чтобы дѣти его были безграмотными, Григорій Шев-

ченко отдалъ маленькаго Тараса учиться къ мѣщанину Губскому.

Грамота далась мальчику сразу, но успѣхамъ въ обученіи мѣшали нескончаемыя шалости и проказы свободолюбиваго ребенка. Къ тому это ученіе прервалось благодаря горестному обстоятельству: умеръ Григорій Шевченко, когда сыну его Тарасу минуло только 11 лѣтъ. Умирая Григорій Шевченко, оставлялъ своихъ дѣтей отъ 1-й жены круглыми сиротами и вотъ-ему хотѣлось чѣмъ-нибудь ихъ обезпечить; когда при раздѣлѣ „крестьянской худобы“ дошла очередь до Тараса, Григорій сказалъ: „сыну Тарасу изъ моего хозяйства ничего не нужно; онъ не будетъ какимъ-нибудь человѣкомъ: изъ него выйдетъ или что-нибудь очень хорошее, или большой негодяй“...

Послѣ смерти мужа мачеха, чтобы избавиться отъ лишняго рта въ домѣ, чтобы не видѣть надоедливаго ребенка, постаралась сбыть Тараса изъ дома: она нашла ему занятіе, — пасти свиней и телятъ Кириловскихъ крестьянъ. Съ ломтемъ чернаго хлѣба за пазухой, съ кнутомъ въ рукахъ, мальчикъ цѣлые дни проводилъ на пастбищѣ, въ степи, гдѣ только однѣ „могилы“-курганы „стоятъ и сумуютъ“. Тарасъ любилъ эти безмолвныя „могилы“;—ляжетъ на траву, подпретъ голову рученками и смотритъ долго, долго въ синюю даль... Кто знаетъ,—можетъ-быть эти родныя картины привольныхъ степей такъ рѣзко запечатлѣлись въ дѣтскомъ мозгу, что потомъ выплыли наружу, вылились въ чудныхъ стихахъ въ періодъ творческой дѣятельности поэта...

Но вотъ наступила зима,—Тарасъ остался опять безъ дѣла, опять мачехѣ надо было думать, что дѣлать съ ненавистнымъ пасынкомъ; чтобы выжить его изъ дома, она отдала его въ ученіе къ дьячку Бугорскому, гдѣ Тарасъ снова зашѣлъ за Часословъ и Псалтирь; потомъ онъ перешелъ къ священнику Нестеровскому, гдѣ научился писать.. Что за преподаватель былъ Бугорскій, можно судить по тому, что самъ поэтъ писалъ въ послѣдствіи въ своихъ воспоминаніяхъ: „Мое дѣтское сердце было оскорблено этимъ исчадіемъ деспотическихъ семинарій миллионъ разъ, и я кончилъ съ

нимъ такъ, какъ вообще оганчиваютъ выведенные изъ терпѣнія беззащитные люди—местью и бѣгствомъ.

„Найдя его однажды безчувственно-пьянымъ, я употребилъ противъ него собственное его оружіе—розги и на сколько хватило дѣтскихъ силъ, отплатилъ ему за всѣ жестокости“..

Сначала Шевченко скрывался въ садахъ, куда сестры носили ему пищу, потомъ Тарасъ бѣжалъ въ м. Лисянку къ дьякону, который занимался „малярнымъ искусствомъ“, т. е. былъ живописецъ. Страсть къ рисованію уже въ это время у Шевченко пробудилось; но только 4 дня могъ выдержать Тарасъ у дьякона-„художника“, не отличавшагося ни чѣмъ въ пріемахъ преподаванія отъ прежнихъ учителей. Сначала Шевченко направился въ Стебловъ (Каневского у.), а потомъ въ Тарасовку къ дьячку-„хиромантику“, но этотъ послѣдній наставникъ нашелъ будущаго поэта ни къ чему не способнымъ и удалилъ отъ себя.

Куда было двинутся бѣднягъ-сиротѣ? Онъ вернулся въ родное село;—больше, кажется, некуда было идти?—онъ рѣшилъ опять приняться за прежнюю работу,—пасти свиней и телятъ.

Старшій братъ Шевченко—Никита хотѣлъ было приучить Тараса къ хозяйству, но подвижная натура Тараса была не сродни этому упорному и постоянному труду,— и онъ опять покинулъ родное село и поселился въ селеніи Хлѣбновскомъ, славящемся „малярами“. Одинъ изъ хлѣбновскихъ „маляровъ“ продержалъ его двѣ недѣли, а больше держать не рѣшился: у крѣпостного мальчика не было отпускного свидѣтельства. За этимъ-то свидѣтельствомъ и посоветовалъ „маляръ-хозяинъ“ Тарасу сходить къ управляющему имѣніями Энгельгардта—Димитренко; къ нему и отправился Шевченко; но управляющій, вмѣсто того, чтобы дать ему разрѣшеніе на жительство въ Хлѣбновскомъ, замѣтивъ расторопность 15-ти-лѣтняго юноши, оставилъ его у себя въ числѣ дворовой челяди. Это случилось въ 1829 году, а какъ разъ въ это время Энгельгардту потребовались разные дворовые люди, которыхъ онъ и приказалъ управляющему набрать изъ своихъ крѣпостныхъ. Димитренко собралъ до дю-

жины мальчиковъ, въ число которыхъ и попалъ Шевченко; передъ отправленіемъ ихъ къ барину въ Вильно, управляющій сначала размѣстилъ ихъ у себя на разные должности въ видѣ испытанія. Шевченко попалъ въ поваренки и сталъ помогать главному повару; на его обязанности лежало носить дрова, чистить кастрюли, выносить помой. Но страсть къ рисованію не покидала Шевченко и среди этой работы: въ глухомъ уголкѣ сада онъ устроилъ нѣчто въ родѣ картинной галлерей,—развѣсилъ по сучкамъ картинки и въ свободную минутку уходилъ туда списывать съ нихъ карандашомъ копіи. Если отсутствіе „художника“ замѣчалось главнымъ поваромъ, то „художникъ“ получалъ неизбѣжную дѣрку.

Послѣ испытанія дворовыхъ, Димитренко отправилъ ихъ въ Вильно съ поименнымъ спискомъ, въ которомъ значились способности и качества каждаго. Будущій поэтъ былъ отмѣченъ—„годнымъ для комнатнаго живописца“.

Однако на этотъ аттестатъ въ Вильно не обратили вниманія и Шевченко сдѣлали „комнатнымъ казачкомъ“, занятіе которыхъ состояло въ постоянномъ пребываніи въ переднихъ, въ подаваніи трубки и проч. Но и здѣсь художникъ вырвался наружу: Шевченко срисовывалъ все, какъ только находилъ время и мѣсто.

Баринъ въ это время путешествовалъ по Россіи; Шевченко слѣдовалъ за нимъ въ качествѣ неотлучнаго казачка. Прошелъ годъ; баринъ можетъ быть замѣтилъ наклонности къ художеству у Шевченко и въ бытность свою въ Варшавѣ отдалъ его въ науку къ комнатному живописцу, но послѣдній, обладая искусствомъ красить только потолки и стѣны, замѣтилъ необыкновенныя способности ученика и объявилъ объ этомъ барину, посоветовавъ отдать Шевченко извѣстному въ то время портретисту Лампи. Энгельгардтъ, въ надеждѣ имѣть своего хорошаго художника, воспользовался совѣтомъ и „казачка“ преобразили: обчистили, вымыли, пріодѣли и приказали ходить на уроки, которые, однако, продолжались недолго: по случаю возстанія въ Польшѣ, Энгельгардтъ уѣхалъ въ Петербургъ, а всю свою дворню приказалъ отправить туда по этапу; этотъ пріемъ объясняется

тѣмъ, что помѣщику не хотѣлось тратиться на доставку людей, да кстати чтобы быть гарантированнымъ отъ побѣга съ дороги.

По прибытіи въ Петербургъ Энгельгардтъ не оставилъ намѣренія сдѣлать изъ Шевченко „своего“ художника и отдалъ его на 4 года къ живописцу Ширяеву. Этотъ новый учитель Шевченко примѣнялъ точно такіе же приемы въ преподаваніи, какъ и предыдущіе его наставники, — т. е. дьячекъ - спартанецъ, дьяконъ - „маляръ“ и другой дьячекъ - „хиромантикъ“.

„Несмотря на весь гнетъ его тройственнаго генія, — пишетъ Шевченко, — я въ свѣтлыя осеннія ночи бѣгалъ въ Лѣтній садъ рисовать со статуй“. Въ это время Шевченко познакомился съ художникомъ — землякомъ Иваномъ Максимовичемъ Сошенкомъ... И. М. Сошенко такъ рассказываетъ о своемъ знакомствѣ съ Т. Г. „Когда я былъ „въ гипсовыххъ головахъ“, или нѣтъ, кажется „въ фигурахъ“, не то въ 35-мъ, не то въ 36-мъ году, вмѣстѣ со мной приходилъ въ академію швагеръ Ширяева. Отъ него я узналъ, что у его зятя находится въ мальчикахъ мой землякъ Шевченко, о которомъ я кое-что слышалъ еще въ Ольшаной, живя у своего перваго учителя Превлоцкаго. Я убѣдительно просилъ родственника Ширяева прислать земляка ко мнѣ на квартиру. Узнавъ о моемъ желаніи познакомиться съ нимъ, Тарасъ на другой же день, въ воскресенье, отыскалъ мою квартиру въ 4-й линіи Васильевскаго острова и явился ко мнѣ въ такомъ видѣ: на немъ былъ замасляный тиковый халатъ; рубаха и штаны изъ толстаго деревенскаго холста были запачканы въ краскѣ, босой, „расхристаный“ и безъ шапки. Онъ былъ угрюмъ и застѣнчивъ.

Съ перваго же дня я замѣтилъ въ немъ сильное желаніе учиться живописи. Онъ началъ ходить ко мнѣ, не пропуская ни одного праздника. Во время такихъ посѣщеній Тарасъ урывками передавалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ своего прошлаго и почти всегда заканчивалъ свои рассказы ропотомъ на судьбу...“

Сошенко былъ тронутъ участіемъ своего молодого земляка и всей душой желалъ помочь ему. Прежде всего онъ посо-

вѣтовался со своимъ знакомымъ, извѣстнымъ малорусскимъ писателемъ Е. Гребенкой. Гребенка сердечно отнесся къ Т. Г.: онъ помогаль ему и совѣтами, и деньгами; даваль ему читать книги изъ своей библіотеки. Но Сошенко не довольствовался этимъ первымъ шагомъ къ облегченію участи Шевченко: онъ обратился съ просьбою къ секретарю академіи Григоровичу избавить даровитаго юношу отъ тяжелаго положенія у живописца Ширяева.

Въ это время Т. Г. черезъ Гребенку познакомился съ придворнымъ живописцемъ Венеціановымъ, который, по просьбѣ Григоровича, представилъ Шевченку В. А. Жуковскому. Можно судить, какъ повліяли эти знакомства на молодого человѣка. Жуковскій, желая ближе познакомиться съ начинающимъ художникомъ, задалъ ему тему описать жизнь художника. Какъ удовлетворилъ желаніе Жуковскаго Шевченко, осталось неизвѣстнымъ. Извѣстно только, что съ того времени воспитатель Державнаго Освободителя крестьянъ сталъ усиленно хлопотать о выкупѣ крѣпостнаго автора.

А жизнь Шевченко у Ширяева шла своимъ чередомъ, положеніе не измѣнялось. Проработавши цѣлый день въ мастерской, Шевченко поздними вечерами или по ночамъ любилъ уходить въ Лѣтній садъ, набрасывать контуры со статуѣй или мечтать о свободѣ.

Въ этомъ же Лѣтнемъ саду начались его первые литературные опыты. „Украинская строгая муза, говоритъ онъ, долго чуждалась моего вкуса, извращеннаго жизнью въ школѣ, въ помѣщичьей передней, на постоянныхъ дворахъ и городскихъ квартирахъ. Но когда предчувствіе свободы возвратило моимъ чувствамъ чистоту первыхъ лѣтъ дѣтства, проведенныхъ подъ убогою батьковскою стрехою, она, спасибо ей, обняла и приласкала меня на чужой сторонѣ“...

Завѣтной мечтой Шевченко было попасть въ академію; Энгельгардтъ, преслѣдуя цѣль имѣть дароваго художника, не былъ противъ этого желанія; но какъ разъ доступъ въ академію въ это время крѣпостнымъ былъ закрытъ, Шевченко остался на подорогѣ; завѣтныя мечты были разрушены; гнетъ крѣпостничества еще тяжелѣе легъ на его чут-

кую душу, и когда онъ узналъ, что взявшіеся хлопотать объ освобожденіи его отъ крѣпостной зависимости даже такіе вліятельные люди, какъ Жуковскій и Вельегорскій, ничего не могли подѣлать съ упрямымъ помѣщикомъ, — нехорошее чувство проснулось въ сердцѣ, много наболѣвшемъ сердцѣ поэта и онъ въ минуту раздраженія поклялся жестоко отомстить своему господину. Это было въ квартирѣ у Сошенко; послѣдній, видя такое настроеніе своего друга, очень беспокоился за него, понимая, что въ подобныя минуты человѣкъ на все способенъ...

Сошенко пошелъ къ Ширяеву и упросилъ его дать Шевченко мѣсячный отпускъ, чтобы онъ ходилъ для изученія живописи въ залу общества поощренія художествъ. Ширяевъ согласился; но гнетущее состояніе не покидало поэта. Случайно узналъ объ этомъ В. А. Жуковскій и прислалъ успокоительную записку. Насколько былъ благодаренъ Шевченко Жуковскому за его участіе и сердечное отношеніе къ нему, можно заключить изъ того, что присланную Жуковскимъ записку Т. Г. хранилъ, какъ святыню, и постоянно носилъ ее при себѣ.

Если эта записка могла успокоить Шевченко, то въ ней навѣрное было высказано что-нибудь положительное относительно его освобожденія.

Кромѣ Жуковскаго много хлопоталъ объ освобожденіи поэта и К. П. Брюловъ; онъ самъ ѣздилъ къ Энгельгардту, но вынесъ изъ своего посѣщенія лишь то убѣжденіе, „что это самая крупная свинья“ и больше не поѣхалъ къ Энгельгардту, но попросилъ съѣздить къ нему Сошенко. Послѣдній въ свою очередь упросилъ Венеціанова, какъ болѣе вліятельнаго человѣка, которому Энгельгардтъ прямо отрѣзалъ: „Моя рѣшительная цѣна 2500 руб.“.

Тогда Брюловъ съ Жуковскимъ придумали средство добыть „цѣну свободы“. — Брюловъ взялся написать портретъ съ Жуковскаго и разыграть его въ лотерею и на собранныя деньги выкупить Шевченко. Шевченко въ это время заболѣлъ тифомъ и лежалъ въ больницѣ. Портретъ былъ готовъ; билеты распроданы. Между прочимъ участіе въ этой лотерее принимала и Царская Фамилія. Розыгрышъ состоялся,

и 22 апрѣля 1838 г. Шевченко сталъ свободнымъ человѣкомъ; онъ въ это время находился на пути къ выздоровленію и ничего не зналъ о случившемся. Сошенко хотѣлъ было сейчасъ же извѣстить друга о такой великой радости, но докторъ посоветовалъ обождать, чтобы сильное волненіе не повредило неокрѣпшему здоровью больного. Однако Шевченко узналъ о своей свободѣ отъ Ширяева, и когда Сошенко пришелъ въ больницу навѣстить его, то Т. Г. спросилъ его: „Правда ли, что меня выкупили?“ Сошенко отвѣтилъ: „Пока похоже на правду“. Шевченко залился слезами и долго не могъ успокоиться.

По выходѣ изъ больницы Шевченко началъ посѣщать классы академіи художествъ. Поселился онъ у своего земляка—Сошенко. Перемена, происшедшая въ жизни недавняго крѣпостного, безконечно радовала его. „Я,—пишетъ въ своихъ воспоминаніяхъ Шевченко,—ничтожный замарашка на крыльяхъ перелетѣлъ въ волшебныя залы академіи и пользовался наставленіями и дружескою довѣренностію величайшаго изъ художниковъ“.

Въ это время черезъ Брюлова Шевченко познакомился съ лучшими петербургскими домами; онъ вошелъ въ моду; его приглашали, какъ диковинку, и онъ сталъ разъѣзжать по вечерамъ, одѣваться франтомъ. „Вообще,—говоритъ Сошенко,—въ него вселился свѣтскій бѣсъ“ и не разъ журилъ его за это и заставлялъ не тратить попустому время, а приниматься за дѣло; дѣломъ же Сошенко считалъ только живопись. „Я и самъ думалъ,—пишетъ Шевченко въ 1857 г.—что живопись—моя будущая профессія и насущный хлѣбъ, но вмѣсто того, чтобы изучать глубокія таинства живописи, подъ руководствомъ такого учителя, какъ безсмертный Брюловъ, я, — говоритъ онъ,—сочинялъ стихи, за которыя мнѣ никто гроша не платилъ и которыя лишили меня свободы...“

„Что же я дѣлалъ въ этомъ святилищѣ (въ мастерской Брюлова)? спрашиваетъ себя Шевченко и отвѣчаетъ: „Странно подумать,—я занимался тогда сочиненіемъ малороссійскихъ стиховъ, которыя такою тяжестью въ послѣдствіи упали на мою душу. Передъ дивными произведеніями

Брюлова я задумывался и леплялъ въ своемъ сердцѣ „Слѣпца-Кобзаря“ и своихъ кровожадныхъ „Гайдамакъ“. Въ тѣни его изящно-роскошной мастерской, какъ въ знойной степи надднѣпровской, передо мною мелькали мученическія тѣни бѣдныхъ гетмановъ. Передо мной разстилалась степь, усѣянная курганами. Передо мной красовалась моя прекрасная, моя бѣдная Украина во всей непорочной, меланхолической красотѣ своей. Я не могъ отвести духовныхъ очей своихъ отъ этой родной, чарующей прелести... Призваніе и ничего больше!..“

У Сошенко Т. Г. прожилъ 4 мѣсяца, потомъ поселился у художника Михайлова.

Какъ не велики были соблазны свѣтской жизни, однако поэтъ не забывалъ и себя: въ первые годы академической жизни, въ 1838—39 году—Т. Г. особенно усиленно работалъ надъ своимъ развитіемъ; въ этомъ рвеніи къ самообразованію ему много способствовали Брюловъ и Гребенка. Обширная бібліотека Брюлова была открыта для Шевченко и въ ней онъ прочиталъ лучшія произведенія русскихъ и польскихъ художниковъ слова; не довольствуясь этимъ, онъ посѣщалъ нѣкоторыя лекціи профессоровъ университета, учился французскому языку...

Кругъ знакомыхъ у Шевченко расширился: много было знакомыхъ художниковъ, были и свои братья—земляки... Но какъ ни хорошо чувствовалъ себя Шевченко, освобожденный отъ крѣпостной зависимости, онъ ни на минуту не забывалъ, что его братья и сестры все еще крѣпостные. Онъ писалъ письма въ деревню, входилъ въ ихъ семейныя дѣла, и вообще заботился объ ихъ положеніи.

Въ концѣ 1839 г. Шевченко познакомился съ П. И. Матросомъ, который ходилъ къ нему на сеансы. Въ это время Гребенка задумалъ издать стихотворенія Шевченко, но не находилось издателя; таковымъ согласился быть Матросъ, и въ слѣдующемъ 1840 г. вышелъ небольшой сборникъ стиховъ Шевченко на малорусскомъ нарѣччіи, подъ заглавіемъ „Кобзарь“.

На Украйнѣ пришли въ восторгъ отъ стиховъ родного поэта и радостно привѣтствовали появленіе „Кобзаря“. Ста-